

В. И. Левенштерн

ЗАПИСКИ

1790—1815

КУЧКОВО ПОЛЕ

ИКС-ИСТОРИ

Москва

2018

УДК 82-94
ББК 63.3(2)47
Л35

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России» (2012–2018 годы)

Публикуется по изданию:

Русская старина. 1900. Т. 103, № 8–9; Т. 104. № 10–12.
Русская старина. 1901. Т. 105. № 1–3;
Т. 106. № 4–8; Т. 108. № 11–12.
Русская старина. 1902. Т. 111. № 7.

Левенштерн, Владимир Иванович

Л35 Записки: 1790–1815 / вступ. ст. и коммент. Г. Е. Бродского. — М.: Кучково поле, Икс-Хистори, 2018. — 768 с. — (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0500-1 (ООО «Кучково поле»)

ISBN 978-5-9906463-9-1 (ООО «Икс-Хистори»)

Владимир Иванович Левенштерн, начавший карьеру в 1790 году в лейб-гвардии, во время Отечественной войны 1812 года служил старшим адъютантом М. Б. Барклая-де-Толли, а оставил службу в 1838 году генералом. На склоне лет обладавший несомненным литературным талантом барон написал воспоминания, с остзейской педантичностью фиксируя все события, происходившие с ним. Автор не остается лишь сторонним наблюдателем, а анализирует события, свидетелем которых он был, дает им свою оценку и характеристику.

За основу настоящего издания взят текст, опубликованный в журнале «Русская старина», сверенный с французским и немецким вариантами.

Книга предназначена для всех интересующихся историей России в целом и историей Отечественной войны 1812 года.

**УДК 82-94
ББК 63.3(2)47**

ISBN 978-5-9950-0500-1
ISBN 978-5-9906463-9-1

© ООО «Кучково поле», 2018
© ООО «Икс-Хистори», 2018
© Бродский Г. Е., вступ. ст.,
коммент., 2016

Неизвестный известный Левенштерн

Личность Владимира Ивановича Левенштерна и его насыщенная яркими событиями жизнь, казалось бы, хорошо известны. Но каждый раз знакомство с этой незаурядной личностью, а также изучение его наследия дают новое прочтение, новую глубину. По-другому видятся хорошо известные факты, иначе открываются связи между драматическими событиями эпохи конца XVIII — начала XIX века, по-новому осмысливается среда, в которой жил автор. И жил полнокровной жизнью. Вдвойне ценен этот взгляд изнутри, взгляд человека, являвшегося активным действующим лицом описываемой им эпохи.

Напомним основные вехи жизненного пути нашего героя. Барон Вольдемар Герман (Владимир Иванович) фон Левенштерн — в современной транскрипции Лёвенштерн (Löwenstern) — родился 8 декабря 1777 года в фамильном имении — замке Разик (*эст.* Раасику) в приходе церкви Св. Йоханниса в Гарриене в Гарринском дистрикте Эстляндской губернии. Поместье некогда принадлежало церкви, но в XVII веке перешло к роду Де ла Гарди. Затем им владели Таубе, Штакельберги, Бони и Бреверны. От последних поместье и замок в 1774 году перешли к отцу Вольдемара — барону Герману Людвигу фон Левенштерну — через его матушку баронессу Софию, урожденную Бреверн.

ленным именем. Я не настолько тщеславен и глуп, чтобы превозносить себя безо всякого повода, но ложный стыд также не помешает мне сказать о себе то, что может послужить к моей чести, если это правда.

Счастье часто благоприятствовало мне, но нередко оно отворачивалось от меня; оно слепо. Награждая иногда честного человека, оно чаще всего воспитывает глупца. Я убедился слишком поздно в том, что, руководствуясь одним разумом, нельзя достигнуть цели и что самые лучшие поступки и самые прекрасные планы не приносят пользы, если их не стараются выставить и не пускают в ход интриг для того, чтобы добиться осуществления этих планов.

Вращаясь с юных лет в свете, я приобрел многие его недостатки. Можно себе представить, что я должен был выстрадать, когда убедился на опыте в суетности всего того, что не основано на нравственных принципах. Придя к этому вполне справедливому, но грустному заключению, к сожалению, слишком поздно, я все же вовремя опомнился.

II

Поступление в Семеновский полк и в ординарцы к графу Салтыкову. — Графиня Салтыкова. — Князь Платон Zubov. — Тогдашние нравы. — Внешность и внутренние качества императрицы Екатерины. — Переход в легкую украинскую кавалерию

Я кончил образование в Ревельской дворянской академии (*Académie de la Noblesse*), которая пользовалась в то время большой известностью, и был записан, по тогдашнему обычаю, как ребенок из хорошей семьи, в лейб-гвардии Семеновский полк сержантом (1794); к величайшему моему удовольствию, мне нашили на обшлага три широких галуна, чем я гордился, как Артабан¹.

Мой дядя, достойный и прекрасный генерал Бенкендорф² (впоследствии Рижский генерал-губернатор) взялся отвезти меня в Петербург и представил командиру полка графу Николаю Салтыкову³ (впоследствии князь и фельдмаршал); последний по его просьбе назначил меня состоять ординарцем при его особе. Это чрезвычайно польстило моему самолюбию, так как этим преимуществом, дававшим право носить шпоры, пользовалось в полку всего четыре человека⁴. Остальные трое избранных были два графа Толстых⁵ и князь Мещерский⁶.

Графиня Салтыкова⁷, закадычный друг госпожи Бенкендорф⁸, обошлась со мной как с родным. Я был удостоен ее особым расположением, но вместе с тем мне приходилось нередко сносить ее капризы. Эта дама была очень своеобразна и суеверна. Она не терпела духов, никогда не садилась за стол, если было 13 собеседников, немилосердно прогоняла из-за стола того, кто имел неосторожность просыпать соль. Однажды, когда я был намажен помадой, которая пахла гелиотропом⁹, она прогнала меня, сделав мне громогласно выговор; другой раз я был лишен обеда за то, что пришел тринадцатым.

Так как я был очень молод и легкомыслен, то я этим не особенно огорчился и не сердился на нее; она была признательна мне за это и не лишала меня своего покровительства.

С наступлением весны граф Салтыков, занимавший прекрасную квартиру в Зимнем дворце, переехал в свой красивый загородный дом на Петергофской дороге близ Триумфальных ворот¹⁰. Я ездил туда каждый раз, как того требовало исполнение моих служебных обязанностей, и прогуливался в саду и парке, пользуясь самым разнообразным обществом, которое постоянно сменялось. Не раз граф Салтыков, желая послать меня с каким-либо поручением или с письмом ко двору, который находился в Царском Селе, был вынужден поднять на ноги всех ла-

кеев, чтобы разыскать меня; они находили меня обыкновенно ухаживающим за горничной-калмычкой, которая была дурна собой, как смертный грех, но прельщала меня лакомствами, которыми всегда были полны ее карманы.

Бедняжка, мне было всего 16 лет!¹¹ Она тратила даром свои конфеты. Это была первая женщина, выказавшая ко мне нежное участие, и я безотчетно заинтересовался ею более, нежели другими женщинами, которые были так же хороши собою, как она была дурна.

Во время моих поездок в Царское Село, которые я совершал на отвратительных курьерских телегах и по отвратительнейшей дороге, я имел счастье видеть и восхищаться императрицей Екатериной II. Великие князья Александр и Константин¹², никогда не расстававшиеся с нею, обещали уже в то время все то, чем они сделались со временем; великий князь Александр был прекрасен, как Аполлон, любезен, приветлив и добр, как ангел.

Мои обязанности давали мне право сопровождать графа Салтыкова к великим князьям, и даже на придворные балы, где я имел возможность видеть самых выдающихся личностей при дворе Екатерины.

Великий князь Павел Петрович¹³ фигурировал при дворе на первом плане, хотя настоящие царедворцы старались избегать его. Всеобщим вниманием пользовался в то время князь Платон Zubov¹⁴; самые важные сановники преклонялись перед этим молодым человеком, который держал себя гордо и бесстрастно и едва достаивал их вниманием. Приемные комнаты и залы князя Zubova, графа Салтыкова, бывшего в то время председателем Военного департамента¹⁵, обер-прокурора графа Самойлова¹⁶ и вице-канцлера князя Безбородко¹⁷ были всегда полны народа.

Я имел случай наблюдать каждый день, как голубые ленты¹⁸ умеют сгибаться и в случае надобности ступеньваться. Но я замечал, что, делая эти раболепные поклоны, люди не утрачивали хорошего тона и манер настоящих

вельмож; при дворе еще существовали манеры и тон века Людовика XIV¹⁹; в обращении с вельможами и в преклонении перед людьми, стоявшими в то время у власти, не было ничего резкого, даже люди гордые и низкопоклонные были вежливы и соблюдали известные приличия.

Совершенно верно, что граф (впоследствии князь) Салтыков мылся, полоскал зубы и одевался в присутствии всех господ, украшенных лентами, которые почитали за счастье присутствовать при его туалете.

Князь Zubov причесывался при них, и их одежда была покрыта пудрой, но они не счищали ее и, проходя по другим залам, гордились тем, что могли сказать и даже доказать с полной очевидностью, что они были у него.

И, однако, тот же гордый и высокомерный князь Zubov ни перед кем не возвышал голоса; этого никто бы не потерпел! Присутствовать при туалете — не противоречило тогдашним нравам, но относительно всего другого все требования вежливости и все то, чего требовала честь (point d'honneur), соблюдалось строго.

Место, занимаемое мною, давало мне возможность наблюдать все своими собственными глазами. Стоя спокойно в нише у окна, я наблюдал за всеми тогдашними знаменитостями, которые проходили перед моими глазами; между прочим, я видел графа Ферзена²⁰, когда он ехал сражаться с Костюшкой, который был взят им в плен. Я читал на лицах зависть по поводу выбора, сделанного императрицей, который граф Ферзен так блистательно оправдал.

Он предполагал взять меня с собой²¹, но графиня Салтыкова не согласилась на это, говоря, что я еще слишком молод; правда, мне было всего 16 лет. Она хотела сделать из меня изящного гвардейского офицера, а я горел желанием участвовать в серьезном сражении.

Морское сражение, виденное мною в Ревеле, воспламенило мое воображение, и я никогда не мог отделаться

от этого впечатления. Гром оружийных выстрелов всегда был для меня самой приятной музыкой. Какое-то предчувствие вселило во мне уверенность в мою счастливую звезду, поэтому моя заслуга была не так велика; впоследствии я всегда преклонялся перед теми из товарищей, которых угнетало предчувствие противоположного свойства и которые, тем не менее, шли в сражение хладнокровно и с покорностью судьбе.

Эта уверенность в моей неуязвимости проистекала еще из следующего обстоятельства: в тот день, когда я должен был ехать в армию, моя мать призвала деревенскую гадалку, которая, дав мне проглотить какое-то зелье из ствола ружья, уверяла, что после этого меня не может постигнуть никакая беда. Я не особенно верил в действительную силу этого снадобья, но проглотил его, чтобы сделать удовольствие моей матери.

Неведомое для нас необъяснимо, — сказал еще Наполеон, — я не хочу быть более вольнодумным, нежели он; как бы то ни было, я всегда избегал как бы каким-то чудом самых серьезных опасностей, и воспоминание об этой старой и отвратительной колдунье поддерживало меня в те моменты, когда ядра и пули свистели над моей головой.

Моя мать, женщина очень религиозная, вероятно, так же мало верила ее предсказанию, как и я, однако она уговорила меня проделать эту кабалистическую процедуру.

Наверное, никто не был так часто в огне, как я; между тем я не только не получил никакого серьезного повреждения, но, будучи три или четыре раза легко ранен, я отделался так благополучно, что у меня не было повреждено ни одной кости; пули и даже кирпич (как, например, под Бородином) всегда останавливались в моих мускулах, а это было не так легко, ибо мяса у меня почти не было. Все хирурги были поражены этим обстоятельством.

Я имел случай видеть императрицу также за обедней в дворцовой церкви.

Екатерина Великая была велика не только нравственно; она была и высока ростом и по ее лицу было видно, что она была скорее красавицей, нежели хорошенькой; величавые черты ее лица смягчались выражением глаз и очаровательной улыбкой. По ее лбу было видно, что она одарена памятью и воображением; ее губы свидетельствовали о ее откровенном и веселом характере. Императрица имела в молодости, вероятно, очень свежий цвет лица, она много заботилась о своем туалете, кланялась по-русски, всегда одинаковым образом; войдя, она кланялась сперва направо, потом налево и затем прямо; вообще все ее действия казались методичны и рассчитаны.

Она обладала в высшей степени умением слушать и так хорошо владела собой, что казалось, будто она слышит говорящего даже тогда, когда она думала совсем о другом.

Она умела поддерживать этикет, не придавая ему характер чего-то театрального или преувеличенного, и не требовала наружных знаков поклонения.

В выборе людей, которым она покровительствовала, часто играли роль счастье и благосклонность; но она умела указать каждому надлежащее место и умела оценить истинное достоинство.

Она была очень щедра; многих оделяла деньгами из щедрости, как человек великодушный, многим благодетельствовала, как человек добрый, и многих награждала в виде поощрения, как человек, желающий, чтобы ему служили хорошо.

Так как служба поглощала незначительную часть моего времени, то я употреблял все остальное на осмотр достопримечательностей Петербурга, брал уроки фехтования и верховой езды, бывал в некоторых домах лучшего общества и довольно часто посещал театр.

Я занимал в городе вместе с двумя моими соотечественниками хорошенькую квартирку на Малой Морской²²; у нас было общее хозяйство; со мной жили Гельф-

рейх²³ и барон Карл Будберг²⁴, служивший в одном полку со мной²⁵. Они уехали оба в отпуск; я остался один, мною овладела тоска по родине, и я решил просить графа Салтыкова позволения съездить навестить родных. Он дал мне четырехмесячный отпуск, и я уехал из Петербурга.

Я приехал очень удачно, на Троицын день²⁶. Моя мать встретила меня со слезами радости; сестры не знали, как обласкать меня; отец был очень доволен²⁷: я был вполне счастлив. Я возмужал, но атмосфера и разврат большого города не коснулись меня. Моя мать, с ранних лет заботившаяся укоренить в моем сердце правила нравственности, радовалась тому, что я вернулся из столицы, не утратив чистоты нравов и чувств.

Четырехмесячный отпуск пролетел быстро. 1 октября²⁸ я был уже в Петербурге.

Имея решительное пристрастие к кавалерийской службе, я перешел в том же году гоф-фурьером в Конную гвардию²⁹, а 1 января 1795 года был зачислен капитаном в легкую украинскую кавалерию (*chevaux légers d'Ukraine*)³⁰.

Столь быстрое повышение преисполнило меня радостью. Я был всецело обязан этим расположению и могущественному покровительству графа Салтыкова.

Голубой мундир (bleu de Prusse) с красными обшлагами, серебряными пуговицами и аксельбантами был сшит в 24 часа, и я присутствовал в нем 1 января на придворном балу. Я имел счастье благодарить императрицу, которая милостиво дала мне поцеловать руку.

Мне шел всего 17-й год, но я считал себя человеком вполне взрослым; по крайней мере, я усвоил манеры взрослого человека, был всегда при сабле и, потрагивая аксельбанты, старался казаться в кругу товарищей серьезным и воздержанным.

Как полон счастья тот день, в который надеваешь впервые мундир. Принц де Линь³⁴ был прав, говоря, что все наши радости ребяческие; этот умный юморист насчитывал в своей жизни всего четыре дня истинно счаст-

ливых: тот день, в который он впервые надел мундир, день его первой битвы, день, в который ему сказали впервые «я люблю тебя», и тот день, когда он встал с постели после оспы. Первый и последний из этих счастливых дней не могли более повториться, но так как другие два повторились в его жизни раз пятнадцать, то они вскоре утратили всю свою прелесть.

III

Отъезд из Петербурга в Белосток. — Кончина сестры. — Князь Репнин. — Прибытие в полк. — Встреча с Суворовым. — Увольнение в отпуск

Пробыв два месяца в Петербурге, где экипировался, я отправился к месту своего служения. Полк, в который я был зачислен, состоял в армии фельдмаршала князя Суворова¹ и стоял (1795) в окрестностях Варшавы. Я заехал проездом навестить родных, которые были очень рады видеть вновь капитана легкой конницы, но радость нашего свидания была омрачена горестным событием: моя сестра Елена скончалась на моих руках, после родов; она была замужем всего 13 месяцев, и ей только что минуло 18 лет. Как тяжело переносить первое горе; человек обыкновенно всецело предается ему и даже не допускает мысли, что ему следовало бы чем-нибудь отвлечься от него. Я избегал всяких удовольствий и считал для себя счастье впредь несбыточной мечтой, так как я лишился его в одно мгновение. Отец обожал мою сестру; он страшно страдал и, заболев, едва не умер. Опасное состояние, в котором он находился, заставило меня выйти из того безучастного состояния, в котором я находился; но есть чувства, которых не убивает самое большое горе, — такový долг и честь. Приближалось время, когда я должен был явиться в полк. Я вырвался из объятий родных, которые напутствовали меня своими благословениями.

Рижский генерал-губернатор [Петр Алексеевич] Пален, к которому отец дал мне рекомендательное письмо, принял меня как родного. Желая облегчить мне поездку в Варшаву, он поручил мне отвезти депеши фельдмаршалу Суворову и дал мне курьерскую подорожную.

Оставив Ригу, я ехал день и ночь до Гродно, где остановился, чтобы передать депеши князю Репнину².

Князь принял меня ласково; он очень любил моего отца, который был предводителем дворянства в то время, когда князь Репнин занимал место лифляндского и эстляндского генерал-губернатора.

Сыновья графа Палена³, состоявшие при штабе князя Репнина, предложили мне поместиться вместе с ними. Так как они дежурили у короля Польского, который находился в то время в изгнании⁴, то я часто разделял с ними скуку в королевском салоне, но зато пользовался прекрасным обедом.

Я часто имел случай видеть последнего короля Польского и был свидетелем политической агонии этой страны; князь Репнин подавлял (*écraser*) короля своей представительной осанкой и тем превосходством, какое победитель всегда имеет над побежденным, какова бы ни была разница в их социальном положении. Я восхищался грацией, красотой и кокетливостью польских дам, военной выправкой наших войск, великолепием и роскошью, которыми окружал себя князь Репнин, в доме которого самый изысканный французский тон и нравы самых цивилизованных стран сочетались с обычаями и утонченностью Востока.

Я отправился в Белосток*, где находился штаб моего полка, и явился полковому командиру полковнику Ан-

репу⁵. Впоследствии я неоднократно радовался тому, что я поступил в этот полк. Полковник Анреп был отцом для своих офицеров. Он советовал мне ознакомиться со всеми подробностями службы и обещал дать мне вскоре эскадрон. Я всегда обедал за его столом; вечером мы играли в бостон⁶; время, проведенное мною в Белостоке, глубоко запечатлелось в моей памяти⁷.

Некоторые штаб-офицеры выказывали мне особое расположение; в числе их назову подполковника Козенца (*Cosenz*), графа Витгенштейна, графа Мантейфеля⁸ и Курселя.

Мой полк получил приказание выступить; мы двинулись к Плоцку и вошли в состав дивизии, в которой числились Киевский полк конных егерей⁹ под командой полковника Сарса, гренадерский Фанагорийский полк под командой полковника Жеребцова¹⁰ и полк казаков; главное начальство над этим отрядом принял генерал-лейтенант Ласи¹¹.

Товарищи приняли меня и отнеслись ко мне как нельзя лучше: некоторые старые поручики завидовали мне, но я снискал, в конце концов, их расположение: в мою пользу говорили моя молодость и неиспорченность.

В лагере велась крупная игра; я умел играть во все игры и испробовал счастье, которое благоприятствовало мне.

Отец дал мне деньги, необходимые на покупку лошадей; приложив к ним то, что я выиграл в карты, я мог купить три прекрасных лошади. Мы часто катались верхом; граф Витгенштейн до страсти любил верховую езду и хотел превзойти меня в ней; мы устраивали состязания; севрая кобыла, купленная мной, оставалась почти всегда победительницей, что было не особенно приятно для самолюбия графа.

Генерал Ласи, а затем фельдмаршал Суворов произвели смотр полкам. Я был несказанно счастлив видеть вблизи героя России. В тот день, когда он приехал, я был дежурным. Когда я рапортовал ему, меня охватила дрожь.

* По 3-му разделу Речи Посполитой (1795) Белосток был передан Пруссии, а по Тильзитскому миру (1807) — Российской империи. В 1920—1939 и с 1944 г. — в составе Польши, ныне центр Подляского воеводства. — *Примеч. ред.*

Не дав мне докончить, он спросил неожиданно, какой суп едят в Ревеле по четвергам?

— Ши, — смело отвечал я.

Он, видимо, был доволен.

— А по пятницам? А по субботам? и т. д.

Я перечислил все меню эстляндской кухни.

Фельдмаршал Суворов, будучи в низших чинах, служил в Ревельском гарнизоне, и ему было известно, что на моей родине существует обыкновение подавать каждый день в неделю известный суп.

Однажды, в большую жару, после кавалерийского учения у меня сделалось сильное кровохарканье, кровь у меня так и полилась из горла. Врачи признали болезнь серьезной и предписали мне оставить палатку и поселиться где-либо в деревне. Добрый полковник Анреп навестил меня и, полагая, что я страдаю легкими, советовал мне уехать на время из армии и отправиться для поправления здоровья на родину.

Я воспользовался этим позволением и уехал. По пути я остановился на две недели в Гродно, чтобы отдохнуть и окрепнуть, и поселился снова у молодых графов Пален. Второй брат, граф Петр Пален, был также болен, и я пользовался вместе с ним у врача князя Репнина.

Старший, граф Павел Пален, отправился в Петербург курьером с депешами к императрице; я следовал за ним более медленно. Я останавливался в Ковно* и Митаве**, где обедал у графа Палена (отца), только что перед тем назначенного генерал-губернатором Курляндии, которую он так ловко заставил добровольно изъявить покорность России¹², хотя в силу вещей это случилось бы неиз-

* По 3-му разделу Польши (1795) Ковно вошел в состав Российской империи. С 1920 г. — в составе Литвы, современное название Каунас. — *Примеч. ред.*

** Митава, бывшая столица Курляндского герцогства, в 1795 г. вошла в состав Российской империи. С 1920 г. — в составе Латвии, современное название Елгава. — *Примеч. ред.*

бежно немного ранее или немного позднее. Палену удалось достигнуть этого без потрясения, за что императрица была признательна ему, осыпала его милостями и щедро наградила.

Я пробыл несколько дней в Риге, чтобы посоветоваться с доктором Штоффрегенем, который вполне успокоил меня насчет состояния моих легких; я провел две недели самым приятным образом у сестры моего отца, баронессы Будберг, в ее хорошеньком загородном доме в Виддрихе и явился неожиданно к родителям, которые думали, что я нахожусь за 2000 верст от родительского крова.

Они были весьма удивлены и обрадованы. Заботливый уход и исландский мох восстановили в скором времени мое здоровье. Так как у меня был бессрочный отпуск, то я пробыл у родных до конца года и с наслаждением забавлялся охотой, которую я всегда страстно любил. У моего отца было все необходимое для охоты; соседи и даже иностранцы приезжали издалека в Ревель, чтобы охотиться у него, и отец оказывал всем столь широкое гостеприимство, что в его замке жили зачастую на всем готовом более ста человек посетителей, а в его конюшнях кормилось более ста лошадей.

IV

Поездка в Дерпт. — Возвращение в полк. — Вступление на престол императора Павла I. — Исключение из службы и поступление вновь в кирасирский полк Нумзена. — Жизнь в Митаве

Отец советовал мне съездить в Дерпт*, чтобы познакомиться с нашими родными, жившими в этом городе.

* Дерпт — уездный город Лифляндской губернии, в 1893–1918 гг. носил имя Юрьев. С 1920 г. — в составе Эстонии, современное название Тарту. — *Примеч. ред.*

рез Герцогсвальд и стал лагерем в Грумбах. Ночью им овладело опасение, что я подвергаюсь слишком большой опасности, оставшись в Герцогсвальде, и он написал мне:

Грумбах, 23 апреля 1813 года.

Идите немедленно со своими полками и станьте впереди деревни Грумбах, заняв мои аванпосты.

Я нахожу, что вы подвергаетесь слишком большой опасности в Герцогсвальде и что вы слишком удалены от меня, чтобы я мог оказать вам существенную поддержку.

Привыкнув брать много на свою ответственность в том случае, когда я предвидел удовлетворительный результат, я решил не выполнять этого приказа ранее как на рассвете. Успокоив генерала Ланского насчет могущей мне угрожать опасности, я просил у него позволения остаться на месте, что он мне и разрешил: мои казаки успели, таким образом, сварить себе суп, а лошади доест корм, который удалось достать с большим трудом. Проведя ночь спокойно, мой отряд был на следующий день бодр и свеж. Я присоединился к Ланскому, когда в его отряде все еще спали.

Ничто так не утомляет войско, как волнение начальствующих лиц и вызываемые им нескончаемые передвижения. Генерал Ланской вполне понимал эту истину; поэтому я осмелился действовать так, как я сказал. Другой, не столь опытный в военном деле генерал увидел бы в моем поступке непослушание и не имел бы достаточно ума и такта, чтобы понять, что командующий авангардом и арьергардом не есть простая машина, какой бывают обыкновенно армейские генералы. Я всегда держался правила доказать солдатам мой авторитет прежде всего заботливостью о его желудке и покое. Если был отдан приказ — варить обед, то я уже не тревожил солдат. Добыв с трудом провизию, дров и воду и увидев, что все его труды пропали даром и были совершенно бесцельны,

солдат никогда не простит вам этого. Щадите этих молодцов по мере возможности; они будут благодарны вам за это и в критический момент останутся 48 часов без пищи, не ропща, уверенные в том, что начальник не заставил бы их страдать, если бы это не было неизбежно. Я не раз был свидетелем того, как погибали в течение нескольких недель целые отряды вследствие бестолковой суетни их командиров.

Казаки, составляющие самую смышленную часть войска, всегда будут вам признательны за то, что вы их бережете.

Не подвергайте их без надобности пушечным выстрелам, берегите их лошадей, ибо они составляют их собственность; дайте им понять, что вы бережете их, когда это возможно, и будьте уверены, что они без оглядки пойдут за вами, когда это будет нужно. Вы останетесь ими довольны, а начальство будет довольно вами. Казаки боятся выстрелов не более других солдат; это доказали казаки Чернышева, Константина Бенкендорфа³⁵ и, смею сказать, мои собственные казаки.

XXXVI

Переправа через Эльбу. — Действия под Дрезденом. — Движение неприятеля к Бауцену. — Стычка у Эльстервердера. — Сосредоточение главной армии под Бауценом. — Рекогносцировка Левенштерна к Зейфтенбергу. — Стычка у Руэланда. — Бой в Кенигсвертском лесу. — Канун Бауценского сражения

Лишь только генерал Ланской двинулся со своей гусарской дивизией к Эльбе, а Иловайский последовал за ним с четырьмя полками казаков, чтобы переправиться через эту реку, как показались французские конные егеря, приветствовавшие меня выстрелами из пистолетов. Я для этого остался и должен был отвлечь их внимание,

чтобы дать нашим войскам время беспрепятственно переправиться через Эльбу¹.

Отстреливаясь от неприятеля, я дошел до Кессельсдорфа, где увидел доблестный полк Иловайского 12-го, который ожидал меня в том пункте, где разветвляется дорога, идущая из Вильсдруфа в Дрезден, и которому велено было предоставить себя в мое распоряжение. Он сказал мне, что отряд Милорадовича идет к Дрездену, что он взорвет мост, как только этот отряд переправится через реку; и следовательно, я останусь на левом берегу Эльбы один, так как на меня возложена обязанность прикрывать переправу Ланского и Иловайского и всех остальных, которые должны будут переправиться по понтонному мосту в четверти верстах влево от Дрездена — неподалеку от шоссе, ведущего из этого города в Бауцен.

Следуя за движением генерала Ланского, я обошел Дрезден с целью выйти на Пирненскую дорогу. Неприятель не особенно теснил меня; я останавливался и давал ему отпор, причем мои казаки всякий раз брали несколько человек в плен; но когда Дрезденский мост с большим треском взлетел на воздух, то мое положение сделалось критическим; французы, находившиеся напротив меня, издали радостные крики и совершили быстрое движение вперед.

Казаки, предупрежденные мной о том, что они не перейдут по этому мосту, не были испуганы или удивлены случившимся.

Маневрируя и сражаясь все время, я достиг наконец левого берега Эльбы и убедился, что все войско переправилось уже через реку. Тогда, преследуемый неприятелем по пятам, я стал также переправляться, не смея, однако, слишком спешить, чтобы дать время нескольким маленьким отрядам достигнуть правого берега.

За моими движениями следили император, король Прусский и большая часть армии. С того пункта, где они находились, монархи могли видеть, как из ложи авансце-

ны, усилия, которые я делал, чтобы придать моим движениям некоторую правильность. Как только последняя лошадь моего отряда перешла через мост, — а это была лошадь, на которой я ехал, — я приказал разрушить мост; левый берег Эльбы более не принадлежал нам.

Император, видевший, с какой отчетливостью я маневрировал на его глазах, приказал позвать меня и выразил мне свое высочайшее одобрение. Король Прусский подошел ко мне, спросил мою фамилию и прислал мне в тот же вечер знак военного достоинства².

Первый раз в жизни я получил столь положительный знак одобрения от лица высокопоставленного; насколько радостнее было бы для меня, если бы мой собственный монарх вспомнил в эту минуту, что тот, кто удостоился его благоволения, томился еще под незаслуженным проклятием и что его честь не была восстановлена, несмотря на все данные ему обещания.

Кавалерии нечего было делать после того, как мосты были сожжены и разрушены, поэтому она была расставлена по квартирам. Генералу Ланскому с его гусарской дивизией, отряду Иловайского и моим казакам было указано разместиться в Морицбургском замке и его окрестностях³.

В нашей компании был Лев Нарышкин; он забавлял нас своими остротами и шутками в то время, как мы лакомились фазанами из королевского птичника, олениной, кабанами и прочими вкусными вещами.

Первый период кампании 1813 года окончился проигранным нами сражением при Люцене и нашим отступлением с левого берега Эльбы; приходилось готовиться к новой битве.

Император Александр и король Прусский отступили к Бауцену. Наполеон приказал исправить Дрезденский мост и перешел через Эльбу в нескольких пунктах⁴.

Милорадович был вынужден дать при Штольпене и Бишофсверде кровопролитное сражение, имевшее по-

следствием разрушение Бишофсверды⁵. Ланскому было приказано отступить к Гроссенгайну⁶. Иловайский служил ему эшелоном, а мне пришлось прибыть в главную квартиру Ланского в Гроссенгайне.

Я поспешил туда, и он передал мне приказание главнокомандующего, чтобы я отделился с моими двумя полками казаков и гусарским полком Блюхера, над которым я должен был принять командование, и двинулся в величайшей тайне в тыл неприятеля, наблюдая за его движениями, стараясь проникнуть его планы, прервать его сообщение с Дрезденом, перехватив его курьеров, одним словом, старался причинить ему как можно более вреда.

Во исполнение этого приказа я отошел со своей бригадой к Гроссенгайну, соединился с Блюхером и его храбрым полком, взял фуража на три дня и в 8 часов вечера исчез, никем не замеченный; никто не знал, куда я направился.

Превосходный проводник, которого я щедро вознаградил, так как в подобных случаях золота жалеть не следует, указал мне путь и провел меня так ловко, что я до восхода солнца очутился в тылу левого фланга неприятеля, оставив в стороне все деревни и нигде не встревожив собак, которые нередко могут выдать приближение отряда своим лаем. Я спрятался в Окрильском лесу (bois d'Okrile), откуда мне удалось пробраться в окрестности Козвига, пройти незамеченным по большой дороге и спрятаться засветло в Кайтице.

Небольшая долина, густо поросшая лесом, прилегавшая к Эльбе, послужила мне убежищем.

Егеря — волонтеры Блюхера, хорошо знакомые с местностью, были посланы переодетые на дорогу в Дрезден и Морицбург, чтобы наблюдать за происходившим. Один из этих смельчаков имел храбрость проникнуть в Дрезден, присутствовать на смотре, видеть Наполеона и привез мне оттуда газеты, прокламации и разные новости. От других моих разведчиков я узнал, что

Морицбург был занят неприятелем⁷, что сильные колонны двигались к Мейсену и Торгау, что главные силы армии перешли Эльбу и направлялись к Бауцену и Наполеон готовился следовать за ними. Я узнал также, что король приказал генералу Тилеману, весьма к нам расположенному, открыть ворота Торгау французам и пропустить их беспрепятственно на правый берег Эльбы. Это известие было весьма важное⁸.

Уверенный в том, что я не мог в настоящую минуту ничего предпринять с надеждой на успех, и не желая в то же время прятаться, я решил перейти Эльбу, пойти по дороге из Лейпцига в Торгау, уничтожить неприятельские парки и внести смятение в тыл его армии.

Я поручил поручику прусских войск Рейзвицу приготовить плоты, на которых должны были переправиться через Эльбу гусары Блюхера, предполагая, что мои казаки переправятся вплавь.

Поручик Рейзвиц взялся за дело так энергично, что в 6 часов вечера я мог переправить одновременно 60 лошадей.

За переправой первой партии наблюдал капитан Приттвиц; моим авангардом командовал пылкий граф Буксгевден, которого должен был поддерживать капитан Гельфрейх, весьма достойный молодой офицер. Человек десять казаков, переплывших Эльбу, показали мне знаками, что на противоположном берегу не было видно и следа неприятеля.

Успокоившись на этот счет, я тотчас приказал начать переправу на плотях. Переправа была совершена в величайшем безмолвии и в полном порядке. Блюхер следил за всем, и я был в восторге при мысли, как будет удивлен неприятель и сам Наполеон, узнав о моем появлении на левом берегу, в окрестностях Лейпцига, на его собственной коммуникационной линии. Но моя радость была непродолжительна; усиленная перестрелка возвестила мне о присутствии неприятеля.

Мои казаки переплыли обратно Эльбу; французы преследовали их беглым шагом и стреляли по ним во время переправы; мои плоты были попорчены тремя орудиями, которые неприятель успел выставить на противоположном берегу. Я тотчас приказал повернуть обратно; Блюхер руководил движением лично, и, так как ему помогали прекрасные офицеры, то мы не потеряли при этом ни одной лошади.

Неприятель доказал мне, что ему было известно о моем присутствии в его тылу. Из Мейсена были посланы войска для того, чтобы помешать моей переправе и выполнению моих намерений. Так как плоты не могли быть построены втихомолку, то это и выдало, по всей вероятности, мой план⁹.

Я поспешно прошел по Дрезденскому шоссе и углубился в Морицбургские леса близ деревни Линденау, которая была переполнена французами, не подозревавшими о моем близком соседстве. Я оставался весь день в лесу с намерением атаковать неприятеля ночью, а затем отступить быстро в Морицбург и застигнуть врасплох генералов Латур-Мобура, Гамерштейна¹⁰ и других в постели.

По обыкновению, я никому не сообщил своего плана, сказав о нем Блюхеру лишь в последний момент. Он просил меня как милости, чтобы я позволил ему идти в голове моей колонны.

Ночь уже давно настала, когда мы подошли без малейшего шума к деревне. Не знаю, было ли это сделано из осторожности или неприятель подозревал о нашем появлении, но, как бы то ни было, половина французского отряда была под ружьем, и неприятель встретил меня беглым огнем; я немедленно остановился, взял несколько пленных и узнал от них, что в Морицбурге находился противник под ружьем и что Наполеон приказал самым строжайшим образом всем паркам и обозам остановиться и не идти далее до тех пор, пока не удастся очистить

край от разбойников, как ему заблагорассудилось называть нас с досады.

Я решил возвратиться на Гроссенгайнское шоссе и на Бауценскую дорогу; но не знал, занят ли Гроссенгайн неприятелем или нет, а потому послал капитана Гельфрейха разузнать об этом и был несказанно рад, услышав, что неприятель еще там не появлялся.

Я тотчас двинулся вперед, поручив Гельфрейху и Приттвицу прикрывать мой марш справа и слева. Майор Барненков, весьма храбрый офицер, остался позади, чтобы прикрыть мое отступление. Он догнал меня в полуверсте от города преследуемый генералом Гамерштейном. Гельфрейх и Приттвиц, долго не думая, атаковали вестфальцев с фланга, а Блюхер повернулся к ним лицом, и таким образом мы заставили их отступить, оставив нам изрядное количество пленных¹¹.

Вскоре после этого генерал Ланской сообщил мне о намерении монархов и графа Витгенштейна сосредоточить войска на прекрасной позиции близ Бауцена и дать сражение Наполеону; мне предписывалось употребить все свое старание, чтобы уведомлять главнокомандующего о движениях, которые неприятель мог совершить на пути в Торгау¹².

В это время казаки привели мне человека, показавшегося им подозрительным, потому что он прятался в кустарнике. Я приказал обыскать его, но при нем не нашли ничего подозрительного, а было замечено, что он бросал время от времени тревожные взгляды на свою шапку; я тотчас приказал разрезать ее, и оказалось, что в ней было двойное дно, в котором был спрятан толстый пакет писем, из которых, к величайшему моему изумлению, я узнал, что некий Бодмер, богатый дрезденский негоциант и владелец большой и прекрасной фабрики выбойки, находившейся в расстоянии ружейного выстрела от Гроссенгайна, просил управляющего его фабрикой сообщить ему самые подробные сведения о дви-

жении наших войск и приказывал ему вооружить всех рабочих, если возможно, взбунтовать всех окрестных жителей и обращаться с нами во время нашего бегства, как он называл наше отступление, так, как обращались с французами испанцы и русские.

В другом письме, писанном из Хемница, говорилось, что наша армия уничтожена при Люцене, что она обращена в бегство; при этом о трусости русских и в особенности казаков говорилось с величайшим презрением, а жителей Лузации побуждали следовать примеру саксонцев и избивать русских.

Я не мог ничем отомстить тем лицам, которые писали эти письма, так как один из них жил в Дрездене, а другой в Хемнице, а оба города были заняты французами, но я убедился из этих писем, что в Саксонии не все относились к нам доброжелательно; поражение, понесенное нами при Люцене, начинало приносить печальные плоды, и французы сумели приобрести себе сторонников тем более опасных, что они действовали украдкой.

Я послал эти два письма генералу Ланскому, чтобы он своевременно ими воспользовался.

Мы заняли впоследствии Хемниц и Дрезден, и я хотел отомстить немедленно; взяв с собой две сотни казаков, я отправился прямо на фабрику.

Так как мне было известно, что человек, пойманный с письмами, был рабочим с этой фабрики, то, войдя в квартиру управляющего, я приказал ему позвать этого человека. Директор фабрики побледнел как смерть и попросил меня пройти к нему в кабинет; тут, без дальнейших околичностей, он бросился передо мной на колени и, прося меня пощадить его, говорил, что письмо было написано и послано господином Бодмером.

Я находил, что, в сущности, он был не виноват; у меня прошла охота повесить его, но мне хотелось наказать господина Бодмера, и я велел приготовить все нужное для того, чтобы сжечь фабрику и разрушить ее до основания.

Тогда раздалась вопли тысячи рабочих, которых отсутствие заработка могло повергнуть в нищету. Я написал генералу Ланскому, испрашивая его приказаний; а между тем велел принести сто кусков холста, которые я раздал казакам, так что каждый из них мог сделать себе три хорошие рубашки. Генерал Ланской ответил мне, чтобы я не жег фабрику, так как это причинило бы слишком большой вред местным жителям, но велел наложить штраф на владельца фабрики, взять для его гусар двести кусков холста помимо тех ста кусков, которые уже были мной потребованы, и тысячу лудиров* наличными деньгами.

Директор охотно покорился этому, собрал деньги и исполнил все, что я требовал, но в этот именно момент прискакал капитан Гельфрейх, посланный мной на разведку, и сообщил, что по шоссе идет отряд кавалерии с намерением атаковать нас.

Я поспешил ему навстречу; неприятель подвигался вперед, предшествуемый длинной цепью фланкеров. Я вступил в бой, послав против него полк казаков, и под защитой этого прикрытия мог пересчитать французские полки; их было не менее шести, из коих три кирасирских; с ними была многочисленная артиллерия. Нельзя было сомневаться в том, что передо мной был целый корпус кавалерии генерала Латур-Мобура и генерала Гамерштейна.

Я тотчас приказал Блюхеру отступить к Эльстерверду, прикрыться от Илорсграбена и приготовить все нужное для того, чтобы сжечь мост; я, со своей стороны, также стал отступать, все время сражаясь с неприятелем, чтобы дать Блюхеру время выполнить свое движение.

* Лудир (*фр.* Louis d'or — золотой Луи) — золотая французская монета, чеканившаяся с 1640 до 1803 г. (соответствовала золотой монете в 20 франков) и замененная наполеондором. — *Примеч. ред.*

Чечерин, см. Н. А. Чичерин 1-й
Чихачев Михаил Федорович — 635
Чичагов Василий Яковлевич — 24,
 26, 27, 580, 581, 620
Чичагов Павел Васильевич — 152,
 223, 244, 245, 291, 292, 297, 620,
 659, 677, 679, 685
Чичерин 1-й Николай
 Александрович — 165, 625

Ш

Шампаньи Жан Батист Номпер —
 91, 114, 121, 122, 609, 708
Шампаньи Николя Номпер — 414,
 708
Шарнгорст Герхард фон — 347, 348,
 688, 691
Шасслу-Лоба Франсуа де, граф —
 677
Шатен, см. Платен
Шаховской 1-й Иван Леонтьевич,
 князь — 160, 170, 171, 187, 188,
 315, 624, 627
Шварценберг Карл Филипп,
 князь — 198, 416, 490, 568, 570,
 571, 574, 622, 632, 679, 682, 696,
 708, 727, 732, 734
Шверин Курт Кристоф фон, граф —
 53, 591
Шверин, граф, майор — 486, 492,
 496
Шевич Иван Георгиевич
 (Егорович) 232, 652, 661
Шемельман, граф — 527
Шепелев Василий Федорович — 70,
 213, 255, 597
Шепелев Дмитрий Дмитриевич —
 588
Шепинг Бальтазар Иванович /
 Карл Михайлович — 173, 629
Шереметев Сергей Васильевич,
 граф — 233, 654
Шиллинг, капитан — 562
Шиммельман, Аделаида фон — 546,
 728
Ширай Степан Михайлович — 45,
 587
Шлик, графиня — 70
Шопинг, офицер — 468
Шпехт, баронесса — 89, 127

Штадион Иоанн Филипп фон,
 граф — 133, 134, 615, 616
Штадион цу Таннхаузен
 унд Варгенхаузен Мария
 Максимилианна фон — 67, 87,
 595
Штакельберги, род — 5
Штединг, см. К. фон Стедингк
Штейн Генрих Фридрих фом унд
 цум, барон — 64, 317, 684
Штейндель Фридрих Готлиб — 698
Штиглиц Людвиг Иванович фон,
 барон — 455
Штольберг, граф — 330
Штофреген, доктор — 39
Шувалов Павел Андреевич, граф —
 419, 574, 709, 735
Шютц-Пфлуммерн Хохштейн
 Людвиг фон, барон — 68, 596

Щ

Щербатов Алексей Григорьевич —
 377, 562, 574, 700
Щербинин Семен Александрович —
 158, 622

Э

Эбле Жан Батист, барон — 677
Эйхен Яков Яковлевич — 663
Элимтс, графиня — 678
Энгельбрехтен, шведский
 офицер — 487
Энгельгардт, майор — 694
Энгиенский, герцог; см. Л. А. де
 Конде
Эртель Федор Федорович — 686
Эскалес, семейство — 89
Эссен Иван Иванович — 658
Эстергази-Галанта Пауль III
 Антон, князь — 131, 132, 615

Ю

Юзефович Дмитрий Михайлович —
 13, 387, 389–395, 699
Юзов, см. И. Н. Инзов
Юрковский Анастасий
 Антонович — 13, 278, 280–282,
 284, 285, 288, 291, 671–673
Юрсель (Урсель) Жозеф д',
 герцог — 553

Содержание

Неизвестный известный Левенштерн	5
Записки генерала В. И. Левенштерна	19
I. Введение. Происхождение. — Рождение и воспитание. — Граф Бобринский. — Морской бой русских со шведами близ Ревеля. — Победа, одержанная адмиралом Чичаговым	24
II. Поступление в Семеновский полк и в ординарцы к графу Салтыкову. — Графиня Салтыкова. — Князь Платон Zubov. — Тогдашние нравы. — Внешность и внутренние качества императрицы Екатерины. — Переход в легкую украинскую кавалерию	28
III. Отъезд из Петербурга в Белосток. — Кончина сестры. — Князь Репнин. — Прибытие в полк. — Встреча с Суворовым. — Увольнение в отпуск	35
IV. Поездка в Дерпт. — Возвращение в полк. — Вступление на престол императора Павла I. — Исключение из службы и поступление вновь в кирасирский полк Нумзена. — Жизнь в Митаве	39
V. Перевод полка в Валк. — Генерал Нумзен. — Характеристика общества. — Получение эскадрона. — Перемена обмундирования и строевого устава. — Выступление в 1799 году в поход против французов. — Затруднения в обмундировании. — Освобождение завязшего экипажа Суворова. — Кончина матери. — Увольнение Нумзена от командования корпусом и назначение Корсакова. — Генерал Воинов	43

VI. Движение через Силезию и Моравию. — Празднества в Праге. — Французские эмигранты. — Графиня Донгальская. — Прибытие в Регенсбург. — Дальнейшее движение. — Полковник барон Виммер. — Вступление в Аугсбург	52
VII. Нейкирх. — Лауфенский водопад. — Неудачные действия генерала Корсакова против Массена. — Движение к нему на помощь. — Затруднительное положение генерала Воинова под Винтертуром. — Отступление к Эглизау и потом к Шафгаузену. — Стычка близ Шлатта и Дрейенгофена. — Отступление к Рейтлингену	57
VIII. Французские эмигранты. — Стоянка в дер. Мюльгаузен. — Герцог Энгийенский. — Аугсбург. — Главная квартира Суворова. — Отношения его к дамам. — Боевая жизнь. — Перенесение главной квартиры в Прагу. — Князь Багратион. — Окончание военных действий и возвращение в Россию	67
IX. Краткая оценка военных действий. — Состояние русской армии	71
X. Отступление к Брест-Литовску. — Генерал Линденер. — Дуэль. — Прибытие на прежние квартиры в город Валк. — Уничтожение 13 кавалерийских полков. — Формирование Обсервационного корпуса. — Кончина императора Павла I	76
XI. Вступление на престол императора Александра I. — Реорганизация кавалерийских полков. — Перевод полка в Глухов. — Граф Разумовский. — Получение отпуска. — Женильба. — Выход в отставку. — Избрание депутатом округа	78
XII. Замыслы Наполеона против Англии. — Война 1806 года. — Поездка в Италию. — Жизнь в Вене. — Граф Огинский. — Болезнь и кончина жены. — Занятие французами Вены в 1809 году. — Волонтерство	83
XIII. Краткая характеристика Наполеона. — Война 1809 года. — Участие в ней Левенштерна в качестве волонтера. — Характеристика австрийских войск. — Вооружение жителей	

Вены. — Защита города. — Бомбардирование столицы Австрии и вступление в нее французов. — Граф Андреосси. — Характеристика французских генералов. — Наружность Наполеона. — Жизнь его в Шёнбрунне. — Парад французским войскам	92
XIV. Переход французской армии через Дунай. — А. И. Чернышев. — Движение армии по левому берегу Дуная. — Сражение при Асперне. — Поездка в Баден и Швенау. — Граф Витт. — Ординарцы Наполеона. — Валевская. — Жизнь в Вене по занятии ее французами. — Вторичная переправа французской армии через Дунай. — Князь Гагарин. — Горголи. — Бернадотт. — Бассано. — Сражение при Ваграме	103
XV. Второй день сражения при Ваграме. — Поведение Наполеона во время боя. — Анекдот. — Сон Наполеона на поле сражения. — Савари. — Эрцгерцог Карл и его поведение во время боя. — Паника во французской армии. — Посылка Наполеоном А. И. Чернышева курьером в Петербург. — Сражение при Голлабрунне. — Заключение перемирия. — Отъезд Левенштерна в Вену	119
XVI. Желание Австрии продолжать военные действия. — Граф Эстергази и полковник Горголи. — Возвращение Левенштерна в Россию. — Принц Евгений Богарне и герцог Альберт. — Свидание Левенштерна с польскими генералами. — Прибытие его в главную квартиру князя Голицына. — Посылка курьером к государю. — Князь Лобанов-Ростовский. — Генерал Боур. — Прибытие в Петербург. — Граф Аракчеев. — Представление государю	131
XVII. Неумение воспользоваться предстоящим счастьем. — Генерал Уваров. — Похороны жены. — Жизнь в Петербурге. — Графиня Тизенгаузен. — М. А. Нарышкина. — Отъезд в деревню и возвращение в Петербург. — Граф де Брэ и его семейство. — Графиня Ливен. — Графиня Анна Орлова-Чесменская. — Коленкур. — Нерасположение общества к французам. — Княгиня Кутузова. — Жизнь в деревне. — Возвращение в Петербург	144

XVIII. 1812 год. — Перед началом военных действий. — Поступление Левенштерна на службу. — Назначение состоять при главнокомандующем. — Секретная доставка помещиками продовольствия французам. — Назначение Левенштерна расследовать это дело. — Вступление Наполеона в пределы России. — Намерение Барклая задержать неприятеля у Вильны. — Оставление этого города. — Первый пленный граф Сегюр. — Посылка Левенштерна к императору Александру. — План отступления	155
XIX. Неутомимая деятельность Барклая-де-Толли. — Великий князь Константин Павлович. — Усиленные труды Левенштерна. — Интриги против него. — Начальник штаба маркиз Паулуччи. — Генерал-квартирмейстер Мухин. — Назначение А. П. Ермолова начальником штаба. — Положение Барклая-де-Толли в армии.	163
XX. Отступление русской армии. — Арьергардное дело князя Шаховского. — Посылка Левенштерна парламентаром к королю Неаполитанскому. — Генерал Себастиани и его политические соображения. — Граф Мануччи и его супруга. — Возвращение Левенштерна в главную квартиру. — Интриги против него	170
XXI. Движение к Дриссе. — Приказ императора Александра по армии. — А. П. Ермолов и его отношения к Барклаю. — Победа при Кобрине. — Отступление от Витебска	182
XXII. Соединение обеих армий под Смоленском. — Встреча Барклая-де-Толли с Багратионом. — Военный совет. — Бой под Смоленском	192
XXIII. Болезнь Левенштерна. — Интриги в армии. — Генерал Крюднер. — Отъезд из армии великого князя Константина Павловича. — Отступление от Смоленска. — Герцог Александр Вюртембергский. — Бой при дер. Валутиной и Лубине. — Деятельность Барклая-де-Толли. — Отступление к Дорогобужу. — Отношения Барклая к своим адъютантам. — Полковник Толь	197

XXIV. Посылка Левенштерна в Москву. — Свидание его с графом Ростопчиным. — Состояние Москвы. — Объявление Левенштерну, что он арестован и обвиняется в сношениях с неприятелем. — Письмо его императору и Барклаю-де-Толли. — Возвращение в армию.	210
XXV. Уверенность Барклая-де-Толли в пользу отступления русской армии. — Назначение Кутузова главнокомандующим всеми армиями. — Бородинское сражение	221
XXVI. Последствия Бородинского сражения. — Отступление к Москве. — Прибытие графа Ростопчина в главную квартиру. — Военный совет в Филях. — Оставление первопрестольной столицы. — Пожар города. — Вступление Наполеона в Москву. — Фланговое движение. — Прибытие флигель-адъютанта Чернышева с новыми планами действий. — Отъезд из армии Барклая-де-Толли. — Его характеристика. — Генерал Беннигсен	238
XXVII. Назначение Левенштерна адъютантом к князю Кутузову. — Стоянка у Тарутина. — Начало партизанских действий. — Посылка Наполеоном генерала Лористона в русскую главную квартиру. — Свидание Милорадовича с королем Неаполитанским. — Сходство их характеров.	250
XXVIII. Предложение перейти в наступление и атаковать неприятеля. — Рекогносцировка князя Кутузова. — Авангардное дело с отрядом короля Неаполитанского. — Выступление Наполеона из Москвы. — Сражение под Малоярославцем	255
XXIX. Полковник Толь и его характеристика. — Отступление неприятеля. — Поведение главнокомандующего. — Столкновение Левенштерна с принцем Александром Вюртембергским. — Характеристика его. — Генерал Вильсон. — Беннигсен. — А. П. Ермолов. — Многочисленная свита князя Кутузова и интриги в главной квартире	263
XXX. Отступление неприятеля. — Отъезд Левенштерна из главной квартиры в авангард. — Народная война. — Бивуаки. — Ночь на снегу в открытом поле. — Отбытие обозов и карет Наполеона с деньгами и припасами	274

XXXI. Поражение корпуса Нея. — Дальнейшее отступление французов. — Положение нашей армии. — Недостаток в продовольствии. — Переправа Наполеона через Березину. — Тяжелое положение неприятеля. — Состояние нашей армии. — Прибытие ее в Вильно. — Положение города. — Приезд императора Александра. — Балы. — Несчастье, постигшее Левенштерна 287

XXXII. Новое несчастье, постигшее Левенштерна. — Кампания 1813 года. — Контрабандная торговля евреев. — Переход за границу и вступление в Пруссию. — Болезнь Левенштерна. — Присоединение его к армии и назначение в корпус Винцингероде. — Отъезд из Плоцка. — Обед лейб-гвардии Егерского полка. — Преследование корпуса Ренье 302

XXXIII. Свидание в Бреславле короля Прусского с Винцингероде. — Отношение пруссаков к русским. — Полковник Прендель. — Движение к Бунцлау. — Партизанские действия Левенштерна. — Письмо к нему майора Нацмера. — Князь Сергей Волконский. — Характеристика Винцингероде. — Занятие Лейпцига. — Встреча русских жителями города Галле. — Занятие города Герцберга..... 316

XXXIV. Действия против корпуса Нея. — Бой у Наумбурга. — Действия в окрестностях Люцена 337

XXXV. Люценское сражение. — Характеристика Винцингероде. — Заслуги казаков. — Движение армии к Дрездену..... 347

XXXVI. Переправа через Эльбу. — Действия под Дрезденом. — Движение неприятеля к Бауцену. — Стычка у Эльстервердера. — Сосредоточение главной армии под Бауценом. — Рекогносцировка Левенштерна к Зейфтенбергу. — Стычка у Руэланда. — Бой в Кенигсвертском лесу. — Канун Бауценского сражения.... 363

XXXVII. Отступление. — Посылка А. Орлова парламентом в главную квартиру французской армии. — Поручение, данное Левенштерну. — Характеристика графа Палена. — Генерал

Юзефович. — Отступление к Лаубану. — Граф Пален ранен. — Назначение Левенштерна состоять при нем. 387

XXXVIII. Партизанские действия Левенштерна и Фигнера. — М. Орлов. — Жестокость Фигнера с французами. — Граф Бубна. — Операции в окрестностях Глогау. — Перемирие 394

XXXIX. Свидание с генералом Лапланом. — Фигнер и его Итальянский легион. — Свидание русского императора с королем Прусским и шведским наследным принцем. — Организация союзных армий. — Приготовления к военным действиям. — Движения войск. — План кампании. — Заслуги Бернадотта. — Генерал Ланской. — Моро. — Действия Левенштерна в окрестностях Белицы. — Особенность казачьей службы..... 412

XL. Открытие военных действий. — Поручение Левенштерну захватить Наполеона. — Партизанские действия. — Парадный обед в Герцберге. — Захват депеш и неприятельской кассы..... 427

XLI. Действия Левенштерна в тылу неприятеля. — Возвращение маршалу Удино ящика с захваченными крестами Почетного легиона. — Поступок полковника Пренделя. — Отправление захваченных фургонов с деньгами в Берлин 439

XLII. Сражение при Гросбеерене. — История фургонов. — Трагикомедия..... 448

XLIII. Прием у шведского наследного принца. — Сцена с генералом Винцингероде. — Примирение. — Граф Воронцов. — Чернышев. — Князь Кудашев..... 458

XLIV. Взятие французских блокаузов. — Принцесса Ангальтская. — Маршал Ней. — Сражение при Денневице. — Полковник Лачинов. — В ожидании дуэли. — Барон Пален..... 467

XLV. Переправа через Эльбу вплавь. — Шведский наследный принц. — Граф Лемарруа. — Камергер Вестфальского двора. — Генерал Ланюсс и казаки. —

Воронцов и Дмитрий Нарышкин. — Бюллетень шведского наследного принца. — Генерал Гиршфельд. — Полковники Платен и Бойе. — Винцингероде и Бюлов. — Занятие Бернбурга 475

XLVI. Намерение Наполеона двинуться на Берлин. — Переправа шведского наследного принца на левый берег реки Саалы. — Оставление французами села Кальбе. — Движение Северной армии к Лейпцигу. — Радость жителей по случаю победы, одержанной союзниками. — Бал, данный Левенштерном. — Движение его отряда к Айслебену. — Охота. — Прибытие в Нордгаузен. — Конtribusiя, собираемая с жителей шведским комиссаром 488

XLVII. Представление Левенштерна шведскому принцу. — Поручение произвести реквизицию для шведской армии. — Маршал Штединг. — Полковник Биорнштерн. — Занятие Гёттингена. — Хильдесхеймский епископ. — Английские комиссары в Хильдесхейме. — Положение Вестфальского королевства. — Поступление в отряд графа Воронцова. — Обед и бал в Брауншвейге. — Возобновление военных действий 504

XLVIII. Северная армия. — Сражение при Винзене. — Рижские драгуны. — Генерал Вишери 518

XLIX. Ночное сражение. — Принц Голштинский, исполняющий обязанности врача. — Граф Воронцов и английский полковник Сиденгам. — Сражение при Ниндорфе. — Дезертир. — Пленение французского полковника 526

L. Нейтралитет г. Альтоны. — Положение жителей. — Граф Воронцов. — Перемирие. — Вызов Левенштерна в отряд Винцингероде в Льеж 535

LI. Левенштерн в отряде Винцингероде. — Переправа через Рейн. — Атака и бомбардирование Антверпена. — Поручение Левенштерну возвратить казачьи полки от Антверпена в отряд Винцингероде. — Встреча и знакомство Левенштерна с нидерландским принцем Фридрихом. — Занятие Брюсселя. — Характеристика общества. —

Вступление на французскую территорию. — Занятие Монса. — Казак, бредущий в ратуше. 543

LII. Враждебность французов. — Движение к Мобёжу. — Занятие Авена. — Опасное поручение, данное Левенштерну. — Поражение Силезской армии. — Жизнь в Реймсе. — Захват багажа Левенштерна. — Занятие Суассона. — Движение к Парижу. — Император Александр при капитуляции столицы Франции. — Вступление войск в Париж. — Назначение Сакена губернатором Парижа. — Происшествие в театре. — Въезд в Париж Людовика XVIII. — Заключение мира. — Вывод союзных войск из столицы. — Возвращение Левенштерна в Россию. — Великая княгиня Мария Павловна 556

Комментарии 578

Именной указатель 737